

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

DOI: 10.19181/population.2023.26.1.1
EDN: JIZLYM

ВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: КОМПОНЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Рыбаковский О.Л.

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
(117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5)

E-mail: 1246185@mail.ru

Для цитирования:

Рыбаковский О.Л. Возрастная структура населения регионов России в начале XXI века: компоненты формирования // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 1. – С. 4-15. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.1; EDN: JIZLYM

Аннотация. В статье в целях улучшения системы управления демографическими процессами предложена и опробована нестандартная методика исследования итогов демографической динамики населения территорий в возрастном разрезе. Раскрыта структура их формирования за счет основных демографических компонент. Основная конкретная задача сводится к оценке по состоянию на середину 2021 г. для всех регионов России накопленных за 28 лет кумулятивных итогов демографического движения населения, имевшегося на середину 1993 г. (возраст 0 лет). Предложенная в статье методика позволяет показать итоги демографической динамики и её компонент в простой наглядной форме. По данным текущей официальной российской статистики демографическую ситуацию в регионах России по состоянию на середину 2021 г., касающуюся населения в возрасте 28 лет, можно представить следующим наглядным образом на двух типичных примерах — Москве и Курганской области. Москва: из 100 лиц в возрасте 0 лет на середину 1993 г. за 28 лет дожило (при нулевой миграции) 94 человека; миграционным приростом к ним добавилось 107 человек, в том числе 87 за счёт других российских регионов и 20 — за счёт зарубежных стран; итог — 201 человек в 2021 г. на 100 человек в 1993 году. Курганская область: из 100 лиц в возрасте 0 лет на середину 1993 г. за 28 лет дожило (при нулевой миграции) 93 человека; миграционным путём убыло 15 человек, в том числе в другие российские регионы — 25 человек, но за счёт зарубежных стран добавилось 10 человек; итог — 78 человек в 2021 г. из 100 человек в 1993 году.

Ключевые слова: возрастная структура населения регионов России, демографический баланс, рождаемость и смертность населения, постоянное население, межрегиональная и зарубежная миграция, вероятность дожития.

Введение

В статье предложен отчасти нестандартный подход к анализу демографического баланса регионов России. Рассмотрены не общие итоги их демографического развития за определённые годы по текущим данным Федеральной службы государственной статистики (Росстата)¹, как это обычно делается, а оценены кумулятивные результаты «демографического движения» [1, с. 81–88] постоянного населения регионов РФ, достигшего определённого возраста, а также компоненты этого движения. «Население, достигшее определённого возраста» взято в данной работе в качестве демонстрационного примера. В интересах планирования и прогнозирования социально-экономического развития страны и её территорий необходимо исследовать не лиц отдельного возраста, а возрастные интервалы населения, в том числе в половом разрезе. Это может касаться, к примеру, женщин наиболее активного репродуктивного возраста 25–39 лет, либо молодых мужчин мобилизационного возраста 20–34 года. Основной посыл данной статьи – предложение иного возможного пути анализа сложившейся демографической ситуации в регионах страны, выявления компонент её формирования и их пропорций. Нам важно показать принцип, как это может делаться, а расчёты по конкретным возрастным интервалам – это дело последующее.

Зачем нужен такой подход? Дело здесь не в том, что традиционный демографический баланс по текущим данным не отражает возрастную структуру населения, а при анализе генетической, или генезисной² [2, с. 58] структуры населения возрастные различия также обычно отсутствуют. Дело в том, что образующие массовые процессы отдельные демографические события (рождения, смерти, посто-

янные выбытия и постоянные прибытия)³ [3]) часто в пределах рассматриваемого периода, особенно, если он составляет не один год, а несколько, «накладываются» друг на друга. Так, число рождений и смертей дополнительно растёт за счёт постоянных прибытий и сокращается – за счёт постоянных выбытий. Миграционные потоки, корректно измеряемые не числом человек, а количеством постоянных перемещений, повторяются и часто «гасят» друг друга. И оценить по всем этим текущим общим потокам окончательные результаты демографической динамики определённых возрастных групп сложно. По такой текущей информации делать адекватные выводы об итогах и структуре формирования отдельных возрастных групп населения той или иной территории – проблематично. Попытке решить данную проблему и посвящена статья.

Цель работы – улучшение системы управления демографическими процессами на федеральном и региональном уровне за счёт альтернативной детальной информации об итогах демографической динамики населения территорий в возрастном либо половозрастном разрезе, о структуре их формирования за счёт основных компонент – воспроизводственной и миграционной. Объект исследования – население 84⁴ субъектов (регионов) РФ по состоянию 1 января 2022 года. Предмет исследования – демографическая динамика населения регионов России, имевшего на середину 1993 г. возраст 0 лет, за период с 1993 по 2021 г., а также кумулятивные (итоговые) компоненты этой динамики. Основная задача статьи сводится к оценке по состоянию на середину 2021 г. для всех регионов России накопленных за 28 лет кумулятивных итогов демографи-

³ «Постоянные выбытия», «постоянные прибытия», «постоянные перемещения» населения – термины, пришедшие на замену термину «переселения».

⁴ Ненецкий АО рассматривается вместе с Архангельской областью как один регион. Тюменская область берётся отдельно по 3 непересекающимся частям: АО Ханты-Мансийский – Югра (ХМАО), АО Ямало-Ненецкий (ЯНАО) и Тюменская область без АО – «юг Тюменской области». Информация по Республике Крым и городу Севастополь до 2015 г. оценочная.

¹ Все расчёты в тексте сделаны по данным Росстата. – URL: <https://rosstat.gov.ru/>; <https://fedstat.ru/> (даты обращения: 01.10.2022 – 25.11.2022).

² Структура населения по регионам рождения и/или времени проживания на той или иной территории.

ческого движения населения, имевшего на середину 1993 г. возраст 0 лет. Численность населения на середину года берётся для того, чтобы его можно было корректно сравнивать с демографическими процессами за год — рождаемостью, смертностью и миграцией. Исходным является 1993 г., так как Росстат в своей системе ЕМИСС⁵ последние, как минимум, лет пять предоставляет данные по всем регионам России касательно рождаемости и смертности с 1990 г., а по миграции — лишь с 1993 года. Вследствие чего период, по которому возможно проведение подобного исследования на основе общедоступных данных Росстата, приходится на 1993–2021 годы. В итоге получается срез динамики всех накопленных за 28 лет компонент демографического баланса выбранной для исследования возрастной когорты.

Методика исследования

Исходная когорта — численность населения в возрасте 0 лет на середину 1993 г. (S_0^{1993}). За 28 лет оценивается вероятность дожития этой когорты до середины 2021 г. (P_{0-28}). Первая величина (S_0^{1993}) умножается на вторую (P_{0-28}). Получается число доживших от 0 до 28 лет при полном отсутствии миграции, то есть по закрытому населению ($S_0^{1993} \times P_{0-28}$). Полученное произведение сравнивается с численностью постоянного населения в возрасте 28 лет на середину 2021 г. (S_{28}^{2021}). Различия между двумя величинами, ($S_0^{1993} \times P_{0-28}$) и (S_{28}^{2021}) объясняются миграцией и «накладками» четырёх компонент демографического баланса друг на друга, а также переписными поправками и регулярными улучшениями учёта постоянной миграции Росстатом и МВД РФ [4]. Оценивается роль каждой из компонент. В миграционной составляющей выделяются доли межрегионального и зарубежного миграционного прироста/убыли. При таком подходе все взаимные «накладки» компонент друг на друга «гасятся» окончательными результа-

тами. В итоге имеем лишь действия двух основных составляющих — смертности и миграции.

Как рассчитать численность населения в возрасте 0 лет на середину 1993 г., исходя из имеющейся информации Росстата? Есть 2 варианта. Первый — по данным Росстата о численности постоянного населения на начало года для возраста 0 лет за 1993 и 1994 годы. Но тогда мы будем иметь дело уже с откорректированными Росстатом данными, то есть данными с учётом переписных поправок. Вторым вариантом — по данным Росстата о числе рождений по регионам России за 1992–1993 годы. Эти данные Росстат практически не трогал во время, как минимум, двух пост-переписных ревизий демографической информации. Возраст 0 лет на середину 1993 г. имели все те, кто родился в первой половине этого года, а также все те, кто родился во второй половине 1992 года. Все они не достигли возраста 1 год к середине 1993 года. Миграция по данному возрастному интервалу нами не учитывается, ибо она несамостоятельная и мизерная (в возрастном разрезе). Младенческая смертность отнимается лишь частично, с учётом средней длины жизни до середины 1993 г. и различиями в младенческой смертности в 1992 и 1993 годах. При втором варианте расчёта приходится идти на допущение о равенстве пропорций полугодовых рождений в регионах и России, так как в Росстате доступны помесечные данные лишь для страны в целом.

Существует и проблема расчёта вероятности дожития от 0 до 28 лет в 1993–2021 годах. Показатели вероятности дожития населения регионов имеются в открытом доступе лишь по годам XXI века. Вследствие чего для оценки вероятности дожития по всему периоду 1993–2021 гг. использовалась тесная статистическая взаимосвязь этих показателей с ожидаемой продолжительностью жизни при рождении, региональная информация по которой в Росстате представлена за весь рассматриваемый период. Также учитывалась общность тенденций в бесструктур-

⁵ ЕМИСС Росстата: [сайт]. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/> (дата обращения: 01.11.2022).

ных показателях смертности населения для подавляющего большинства регионов России за рассматриваемый период. Минимумы почти у всех были в 1994 и 2002–2003 гг., один максимум — в 2019 году.

Следующая трудность — выделение в итоговом, внешнем для регионов миграционном приросте населения регионов России двух его составляющих — зарубежного и межрегионального сальдо миграции. Здесь мы вынуждены идти на два допущения. Первое — межрегиональный и зарубежный миграционный прирост населения регионов для рассматриваемого возраста 28 лет пропорционален общему межрегиональному и зарубежному миграционному приросту. Тем более, что основную массу мигрантов составляют молодые люди в возрасте от 16 до 40 лет. Второе допущение — для расчёта вклада двух составляющих миграционного прироста населения регионов (межрегионального и зарубежного) используются текущие данные из отчетов Росстата о миграции населения, а не расчётные величины, включающие учёт переписных поправок. Делается это вследствие того, что и сам Росстат разнести эти поправки на межрегиональный и зарубежный для регионов миграционный прирост или не может, или не решается. Да и как показывает наша многолетняя практика, индикаторы текущего учёта адекватно отражают миграционную ситуацию в регионах, даже при их основном недостатке — сопоставимости во времени. Основной фактор возникновения этого недостатка — регулярные изменения порядка учёта постоянной миграции в России Росстатом и МВД (ранее Федеральной миграционной службой) РФ [5, с. 189–194]. Более того, исходя из переписных добавок, оценить то, что с их учётом происходило в межрегиональной и зарубежной миграции по тому или иному региону в большинстве случаев вообще не представляется возможным.

Результаты

Переходя к интерпретации результатов миграции, далее будут раскрыты про-

порции рассматриваемого возраста 28 лет. Но так как эти пропорции отчасти оценены по общим объёмам информации о текущей миграции, то, соответственно, все эти умозаключения будут в равной степени касаться и миграционных процессов в целом по рассматриваемым территориям. Произведённые описанным выше образом расчёты и оценки позволили выделить среди всех регионов России четыре группы по итогам демографической динамики возрастной группы 28 лет по состоянию на середину 2021 года.

Первая группа по итогам демографической динамики — это те регионы, в которых на середину 2021 г. численность постоянного населения в возрасте 28 лет ощутимо превышала численность тех, кто выжил к середине 2021 г. из числа лиц, кому было 0 лет на данной территории 28 лет назад без учёта миграции (табл. 1). Прежде всего, это основные и локальные миграционные реципиенты России: S_0^{1995} — численность населения в возрасте 0 лет на середину 1993 г.; P_{0-28} — вероятность дожития до середины 2021 г. когорты, чей возраст был 0 лет на середину 1993 г.; $S_0^{1995} \times P_{0-28}$ — число доживших от 0 до 28 лет с середины 1993 г. при нулевой миграции; S_{28}^{2021} — численность постоянного населения в возрасте 28 лет на середину 2021 года.

Практически все регионы из табл. 1 (кроме Республики Адыгея) — крупные по численности населения и высокоразвитые в экономическом плане территории страны. За исключение сибирских регионов и ХМАО вероятность умереть от 0 до 28 лет в этих регионах за 1993–2021 гг. составляла 5,5–6,5%, что чуть ниже, чем в среднем по России (6,5%). Эти регионы практически весь постсоветский период (за исключением Севастополя, в котором не было положительного миграционного прироста по доступной ранее информации лишь в 1994–1999 гг.⁶) имели не только значительный миграционный прирост населения из зарубежья, но и выигрыва-

⁶ Державна служба статистики України: [сайт]. — URL: ukrstat.gov.ua. (дата обращения: 15.01.2022).

Таблица 1

Отдельные демографические показатели некоторых регионов России

Table 1

Selected demographic indicators of Russian regions

Регион	S_0^{1993} , тыс. человек	P_{0-28^*} в долях 1	$S_0^{1993} \times P_{0-28^*}$ тыс. человек	S_{28}^{2021} , тыс. человек	$S_{28}^{2021} / (S_0^{1993} \times P_{0-28^*})$, %
г. Санкт-Петербург	34,6	0,943	32,6	65,6	201,2
г. Москва	64,6	0,938	60,6	121,9	201,1
Московская обл.	48,3	0,937	45,2	88,3	195,3
Ленинградская обл.	13,0	0,938	12,2	23,0	188,8
г. Севастополь	3,7	0,935	3,5	6,4	184,5
Томская обл.	9,3	0,900	8,4	14,0	166,5
Калининградская обл.	8,6	0,937	8,1	12,9	160,2
Юг Тюменской обл.	14,0	0,966	13,6	20,1	148,4
Новосибирская обл.	26,0	0,918	23,9	34,5	144,6
Ставропольский край	30,5	0,944	28,8	41,3	143,5
Воронежская обл.	22,1	0,942	20,8	29,3	141,1
ХМАО	15,0	0,920	13,8	19,5	141,0
Белгородская обл.	14,1	0,948	13,4	18,8	140,5
Краснодарский край	52,2	0,938	48,9	68,2	139,5
Ростовская обл.	43,7	0,939	41,0	53,8	131,0
Калужская обл.	9,2	0,940	8,7	11,3	130,8
Самарская обл.	30,6	0,935	28,6	37,3	130,3
Республика Адыгея	5,0	0,941	4,7	6,1	130,3
Республика Татарстан	42,5	0,937	39,9	50,1	125,7
Нижегородская обл.	31,3	0,941	29,4	36,7	124,9

Источник: рассчитано на основе данных Росстата. — URL: <https://rosstat.gov.ru/>; <https://fedstat.ru/>.

ли от внутривоспитательной межрегиональной миграции. Здесь выделяются три основных миграционных магнита России. Это единые миграционные пространства-макрорегионы: Московский (Москва и Московская область), Ленинградский (Санкт-Петербург и Ленинградская область), а также Краснодарский (Краснодарский край и Республика Адыгея). Доля межрегионального миграционного прироста во всём миграционном приросте составляла для Москвы и Санкт-Петербурга — 85% и 82% соответственно, для Московской и Ленинградской областей — 73% и 74% соответственно, для Краснодарского края и республики Адыгея — 64% и 46% соответственно.

В других регионах из табл. 1 доля межрегионального миграционного прироста во всём миграционном приросте со-

ставляла 33–39%, в Самарской области — 23%, а в Севастополе по данным за 2015–2021 гг. — 44%. Лишь Томская, Ростовская и Калужская области, а также ХМАО, имели отрицательное сальдо межрегиональной миграции. Но миграционный прирост из-за рубежа эту миграционную убыль многократно превышал (в 4, 17, 8 и 5 раз соответственно).

Также в первой группе по итогам демографической динамики за регионами из табл. 1 идут крупные промышленные территории страны, отдельные области окружения Московского макрорегиона, а также Республика Крым и Республика Мордовия (табл. 2). Вероятность умереть от 0 до 28 лет в этих регионах в среднем за 1993–2021 гг. составляла 5,7–7,4%. Лишь в Пензенской, Ярославской областях и Республике Мордовии — немного ниже (5,0–5,4%).

Таблица 2
Отдельные демографические показатели некоторых регионов России

Table 2

Selected demographic indicators of Russian regions

Регион	S_0^{1993} , тыс. человек	P_{0-28} , в долях 1	$S_0^{1993} \times P_{0-28}$, тыс. человек	S_{28}^{2021} , тыс. человек	$S_{28}^{2021} / (S_0^{1993} \times P_{0-28})$, %
Волгоградская обл.	26,6	0,940	25,0	30,9	123,6
Челябинская обл.	35,0	0,938	32,8	40,3	122,8
Свердловская обл.	41,8	0,936	39,1	47,8	122,1
Красноярский край	32,1	0,935	30,0	35,8	119,5
Тульская обл.	14,4	0,933	13,4	15,9	118,3
Рязанская обл.	11,3	0,939	10,6	12,5	118,2
Астраханская обл.	11,1	0,934	10,4	12,2	118,1
Республика Крым	19,4	0,932	18,1	21,3	118,0
Ивановская обл.	10,8	0,943	10,2	12,0	117,3
Ярославская обл.	11,2	0,950	10,7	12,5	117,2
Хабаровский край	16,3	0,936	15,3	17,9	116,7
Саратовская обл.	26,3	0,935	24,6	28,7	116,6
Липецкая обл.	11,3	0,940	10,6	12,1	114,7
ЯНАО	5,8	0,926	5,4	6,2	113,7
Пензенская обл.	14,2	0,946	13,4	15,1	112,7
Республика Мордовия	9,6	0,946	9,1	10,1	111,2
Владимирская обл.	13,8	0,939	13,0	14,4	111,0
Смоленская обл.	10,0	0,937	9,4	10,3	109,7

Источник: рассчитано на основе данных Росстата. — URL: <https://rosstat.gov.ru/>; <https://fedstat.ru/>.

В Липецкой области межрегиональная миграционная убыль была незначительной. За исключением Ярославской и Свердловской областей, Республики Крым (по данным за 2015–2021 гг.), остальные регионы из таблицы 2 за рассматриваемые 28 лет имели межрегиональную миграционную убыль населения, которая различно компенсировалась миграционным приростом населения из зарубежья. Так в Хабаровском крае эта компенсация составляла всего 23%, в Республике Мордовия — 62%, в Красноярском крае — 97%, в ЯНАО — 100%. В других регионах эта компенсация в разы превосходила межрегиональную миграционную убыль: в Астраханской области — в 1,3 раза, Пензенской — в 1,4 раза, Вологодской в 1,8 раз, Смоленской — в 2,0 раза, Ивановской — в 2,6 раза, Тульской — в 2,8 раза, Владимирской — в 3,8 раза, Челябинской — в 4,2

раза, Рязанской области — в 6,5 раз.

Вторая группа по итогам демографической динамики — это регионы, в которых на середину 2021 г. численность постоянного населения в возрасте 28 лет была заметно ниже численности тех, кто выжил к середине 2021 г. из числа лиц, кому было 0 лет на данной территории 28 лет назад (без учёта миграции). Это значительная часть основных миграционных доноров страны (табл. 3). За исключением Республики Калмыкия, все эти регионы находятся либо в азиатской части России, либо на Европейском Севере (Кировская область примыкает к нему). Вероятность умереть от 0 до 28 лет в части этих регионов в среднем за 1993–2021 гг. была самой высокой по стране: 16,6% в Республике Тыва, 12,6% в Чукотском АО, 9,7% в Еврейской АО, 9,2% в Республике Алтай, 8,9% в Республике Саха (Якутия).

Таблица 3

Отдельные демографические показатели некоторых регионов России

Table 3

Selected demographic indicators of Russian regions

Регион	S_0^{1993} , тыс. человек	P_{0-28} , в долях 1	$S_0^{1993} \times P_{0-28}$, тыс. человек	S_{28}^{2021} , тыс. человек	$S_{28}^{2021} / (S_0^{1993} \times P_{0-28})$, %
Чукотский АО	1,4	0,874	1,2	0,5	42,8
Магаданская обл.	3,1	0,926	2,9	1,5	53,2
Республика Калмыкия	5,4	0,934	5,0	3,1	62,5
Республика Коми	12,8	0,938	12,0	8,3	68,8
Еврейская АО	2,8	0,903	2,5	1,8	73,1
Курганская обл.	11,8	0,930	11,0	8,5	77,7
Республика Тыва	6,3	0,834	5,2	4,2	80,7
Сахалинская обл.	6,8	0,927	6,3	5,1	80,8
Архангельская обл.	14,8	0,943	13,9	11,3	81,1
Республика Алтай	3,0	0,908	2,8	2,3	83,1
Забайкальский край	17,0	0,936	15,9	13,4	83,8
Амурская обл.	11,7	0,928	10,9	9,2	84,1
Республика Карелия	7,4	0,945	7,0	6,0	86,1
Кировская обл.	15,3	0,948	14,5	12,5	86,4
Республика Саха (Якутия)	17,1	0,911	15,6	14,1	90,7

Источник: рассчитано на основе данных Росстата. — URL: <https://rosstat.gov.ru/>; <https://fedstat.ru/>.

Все регионы второй группы за рассматриваемые 28 лет имели межрегиональную миграционную убыль населения, которая слабо компенсировалась миграционным приростом населения из зарубежья. Более того, Чукотский АО и Еврейская АО имели миграционную убыль населения за рубеж. Около нуля она была в Республике Калмыкия. В Республике Карелия межрегиональная миграционная убыль населения компенсировалась миграционным приростом из зарубежья на 109%, в Курганской области — на 40%, Кировской области — на 33%. В Республике Саха (Якутия), Амурской области и Забайкальском крае — компенсация составляла 10%, в Архангельской области и Сахалинской области — 7–8%. В республиках Тыва и Коми, а также Магаданской области компенсация была незначительной. Республика Алтай имела близкую к нулю миграционную убыль от межрегионального обмена населением.

Третья группа по итогам демографической динамики — остальные регионы России. В них на середину 2021 г. численность постоянного населения в возрасте 28 лет

мало отличалась от численности тех, кто бы выжил (без учёта миграции) к середине 2021 г. из числа лиц, кому было 0 лет 28 лет назад на данной территории (табл. 4). Возглавляют эту группу приволжские и сибирские регионы со средним по России уровнем социально-экономического развития, отдельные области Центрального Черноземья, а также Приморский край, являющийся локальным миграционным реципиентом Дальневосточного федерального округа. Вероятность умереть от 0 до 28 лет только у 3 регионов из табл. 4 (Алтайский край, Орловская и Тамбовская области) в среднем за 1993–2021 гг. была чуть ниже средней по стране. У остальных она достигала 7,5% (Кемеровская область — Кузбасс и Республика Хакасия) и даже 9,4% (Омская область).

Республика Хакасия — единственный регион в этой группе, у которой был за 28 лет положительным межрегиональный миграционный прирост. Его доля во всём миграционном приросте региона составляла 28%. Остальные регионы имели отрицательное сальдо межрегиональной

Таблица 4

Отдельные демографические показатели некоторых регионов России

Table 4

Selected demographic indicators of Russian regions

Регион	S_0^{1993} , тыс. человек	P_{0-28} , в долях 1	$S_0^{1993} \times P_{0-28}$, тыс. человек	S_{28}^{2021} , тыс. человек	$S_{28}^{2021} / (S_0^{1993} \times P_{0-28})$, %
Орловская обл.	8,5	0,941	8,0	8,7	109,0
Республика Башкортостан	49,4	0,933	46,0	50,0	108,7
Приморский край	23,3	0,929	21,6	23,5	108,6
Курская обл.	12,3	0,940	11,6	12,6	108,3
Кемеровская обл. – Кузбасс	29,6	0,926	27,4	29,7	108,1
Тверская обл.	13,4	0,932	12,5	13,2	105,2
Алтайский край	25,8	0,946	24,4	25,5	104,7
Омская обл.	24,6	0,906	22,3	23,3	104,7
Псковская обл.	7,2	0,932	6,7	6,9	102,3
Республика Хакасия	6,4	0,925	6,0	6,1	101,6
Пермский край	31,1	0,934	29,1	29,5	101,4
Ульяновская обл.	14,8	0,937	13,9	14,0	101,1
Тамбовская обл.	11,9	0,941	11,2	11,1	99,2

Источник: рассчитано на основе данных Росстата. — URL: <https://rosstat.gov.ru/>; <https://fedstat.ru/>.

миграции, которое различно компенсировалось приростом населения из-за рубежа. Уровень этой компенсации составил: 28% в Приморском крае, 37% в Омской области, 73% в Алтайском крае, 80% в Пермском крае. Во всех остальных регионах из табл. 5 компенсация превышала 100% и доходила до 269% в Республике Башкортостан и 623% в Псковской области.

В третью группу также входят приморские регионы Европейского Севера и Дальнего Востока (Мурманская область, Камчатский край), слабо контактные в миграционном плане регионы Приволжья и Сибири со значительной долей сельского населения, а также области Костромская, Вологодская и Брянская (табл. 5).

Таблица 5

Отдельные демографические показатели некоторых регионов России

Table 5

Selected demographic indicators of Russian regions

Регион	S_0^{1993} , тыс. человек	P_{0-28} , в долях 1	$S_0^{1993} \times P_{0-28}$, тыс. человек	S_{28}^{2021} , тыс. человек	$S_{28}^{2021} / (S_0^{1993} \times P_{0-28})$, %
Новгородская обл.	6,4	0,932	6,0	5,9	98,7
Камчатский край	4,2	0,923	3,9	3,9	98,4
Вологодская обл.	12,9	0,945	12,2	11,9	97,7
Республика Бурятия	12,8	0,920	11,8	11,5	97,6
Мурманская обл.	8,7	0,953	8,3	8,1	97,5
Чувашская Республика	15,3	0,941	14,4	13,9	96,2
Удмуртская Республика	18,3	0,937	17,2	16,5	96,0
Брянская обл.	15,5	0,938	14,5	13,9	96,0
Костромская обл.	6,9	0,940	6,5	6,3	95,9
Оренбургская обл.	25,5	0,930	23,7	22,7	95,8
Республика Марий Эл	8,5	0,930	7,9	7,5	94,6
Иркутская обл.	32,6	0,937	30,5	28,7	93,9

Источник: рассчитано на основе данных Росстата. — URL: <https://rosstat.gov.ru/>; <https://fedstat.ru/>.

Камчатский край и Мурманская область активно развиваются в последнее время, в том числе благодаря развитию Северного морского пути, и требуют притока молодого населения. И те негативные процессы, которые наблюдались в них после развала СССР, постепенно меняются. Также растёт поток трудовой миграции в данные территории, а трудовая миграция является основным потенциалом для роста постоянной миграции населения в настоящее время [6], как фактически, так и отчасти юридически (по новому с 2011 г. порядку учёта мигрантов). Вероятность умереть от 0 до 28 лет в среднем за 1993–2021 гг. у населения регионов из табл. 5 средняя по стране. Самая высокая вероятность умереть была в Республике Бурятия (8,0%) и Камчатском крае (7,7%), самая низкая — в областях Мурманской (4,7%) и Вологодской (5,5%). В межрегиональном обмене населением все эти регионы были в минусе, лишь в Новгородской области эти потери были незначительными. Уровень компенсации межрегиональной убыли миграционным приростом из-за рубе-

жа заметно отличался по данным территориям. Минимальным он был в Мурманской области (8%) и Республике Бурятия (13%), максимальным — в областях Вологодской (277%), Костромской (208%) и граничащей с Украиной Брянской (150%).

Отдельной четвертой группой являются республики Северного Кавказа (табл. 6). Миграционные процессы в них длительный период постсоветского времени, особенно в период Чеченских войн и Осетино-Ингушского конфликта, носили иной характер, чем в остальных регионах России. Касательно миграции это были потоки вынужденных переселенцев и беженцев. Как известно, основные массы вынужденных переселенцев и/или беженцев устремляются в соседние территории [7, с. 179]. Так что одни из республик Северного Кавказа добавляли население за счёт таких потоков, другие его теряли. Этим, в частности, объясняется высокая доля миграционного прироста по рассматриваемому возрасту в Республике Ингушетия.

Таблица 6

Отдельные демографические показатели некоторых регионов России

Table 6

Selected demographic indicators of Russian regions

Республика	S_0^{1993} , тыс. человек	P_{0-28} [*] в долях 1	$S_0^{1993} \times P_{0-28}$ [*] тыс. человек	S_{28}^{2021} , тыс. человек	$S_{28}^{2021} / (S_0^{1993} \times P_{0-28})$, %
Ингушетия	6,3	0,916	5,8	8,2	142,3
Дагестан	42,9	0,933	40,0	50,5	126,1
Северная Осетия-Алания	9,0	0,941	8,5	9,3	109,2
Кабардино-Балкарская	12,6	0,943	11,9	12,1	102,2
Карачаево-Черкесская	6,1	0,951	5,8	5,9	101,3
Чеченская	23,8	0,938	22,3	21,4	96,1

Источник: рассчитано на основе данных Росстата. — URL: <https://rosstat.gov.ru/>; <https://fedstat.ru/>.

Положительные результаты по табл. 6 Республики Дагестан и Чеченской Республики объясняются поправками на естественный прирост по результатам переписей населения 2002 и 2010 гг., добавивших к их населению 562 и 425 тысяч человек соответственно [5, с. 189–194]. Вероятность дожития до 28 лет в указанных регионах была не самая высокая по стране, хотя по

показателю ожидаемой продолжительности жизни при рождении некоторые из них являются лидерами в России. Связано это, в том числе с тем, что в данных регионах высока ожидаемая продолжительность жизни не с рождения, а со старших возрастов, что и формирует высокий уровень долголетия их населения.

Выводы

Предложенный анализ позволяет показать итоги демографической динамики населения регионов в возрастном разрезе и её компонент в простой наглядной форме. Если конкретно, то демографическую ситуацию в регионах России по состоянию на середину 2021 г., касающуюся возрастной группы населения в возрасте 28 лет, можно представить следующим образом (несколько типичных примеров).

1. Москва. Из 100 лиц в возрасте 0 лет на середину 1993 года за 28 лет дожило (при нулевой миграции) 94 человека. Миграционным приростом к ним добавилось 107 человек, в том числе 87 за счёт других российских регионов и 20 — за счёт зарубежья. Итог: 201 человек на 100.

2. Новосибирская область. Из 100 лиц в возрасте 0 лет на середину 1993 года — за 28 лет дожило (при нулевой миграции) 92 человека. Миграционным приростом к ним добавилось 53 человека, в том числе 19 за счёт других российских регионов и 34 — за счёт зарубежья. Итог: 145 человек на 100.

3. Еврейская автономная область. Из 100 лиц в возрасте 0 лет на середину 1993 года за 28 лет дожило (при нулевой миграции) 90 человек. Миграционным путём убыло ещё 17 человек, в том числе 5 в другие российские регионы и 12 — за рубеж. Итог: 73 человека из 100.

4. Республика Коми. Из 100 лиц в возрасте 0 лет на середину 1993 года за 28 лет дожило (при нулевой миграции) 94 человек. Миграционным путём в другие российские регионы убыло ещё 25 человек. Миграционного прироста из-за рубежа практически не было. Итог: 69 человек из 100.

5. Курганская область. Из 100 лиц в возрасте 0 лет на середину 1993 года за 28 лет дожило (при нулевой миграции) 93 человека. Миграционным путём убыло ещё 15 чело-

век, в том числе в другие российские регионы 25 человек. Но за счёт зарубежья добавилось 10 человек. Итог: 78 человек из 100.

Одна из проблем, снижающих адекватность результатов проведённого исследования, как, впрочем, и любого другого демографического анализа современной России, к сожалению, заключается в том, что её постоянное население имеет некоторую «шапку», наслоение из «квази-постоянных мигрантов». Это те, кто, начиная с 2011 г., входят в состав постоянного населения России, но де-факто являются долговременными мигрантами, прежде всего, трудовыми. Они вынуждены регистрироваться по месту пребывания хотя бы для получения патента. А по истечении девяти месяцев регистрации эти лица автоматически переходят в разряд постоянного населения России, хотя реально лишь пребывают в ней. Росстат и МВД РФ регулярно улучшают учёт миграции населения России [8, с. 8–10]. Но эти улучшения ухудшают сопоставимость статистики постоянного населения и постоянной миграции в динамике. Они также затрудняют ответить на элементарный вопрос — сколько в России живёт граждан РФ [9], сколько лиц имеют промежуточный статус (вид на жительство, статус переселенца и подобное), а сколько лишь долговременно пребывают в России?

Надеемся, что использование предложенной методики даст возможность более точно оценить кумулятивные итоги и компоненты демографического развития регионов России в половозрастном разрезе, позволит более успешно решать задачи демографического развития страны и её территорий. Адекватному решению данных задач будет также способствовать разработка стратегии демографического развития России с учётом новых реалий.

Литература и Интернет-источники

1. **Судоплатова, В. С.** Компоненты и потенциал демографической динамики современной России и её регионов: дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Судоплатова Валерия Сергеевна; ИСЭПН РАН. — Москва, 2015. — 150 с. EDN: XBFSON
2. Демографический понятийный словарь / под ред. Л.Л. Рыбаковского. — Москва : Центр социального прогнозирования, 2003. — 352 с. EDN: QOOXKR
3. **Рыбаковский, О. Л.** Итоги межрегионального обмена населением в России за 1993–2019 гг. / О. Л. Рыбаковский // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. — 2020. — № 1. — С. 73–82. EDN: YUHVTW
4. **Рыбаковский, О. Л.** Реализация концепции демографической политики России в области постоянной миграции населения / О. Л. Рыбаковский, О. А. Таюнова // Социологические исследования. — 2016. — № 6. — С. 34–41. EDN: WBBIBB
5. Миграционные процессы в России. / под. ред. В. В. Локосова и Л. Л. Рыбаковского. — Москва : Экон-информ, 2014. — 383 с. EDN: YTKYRZ
6. **Рыбаковский, О. Л.** Трудовая миграция как потенциал роста населения России / О. Л. Рыбаковский, О. А. Таюнова // Народонаселение. — 2018. — № 4. — С. 58–67. EDN: YVSQCL
7. **Мартыненко, С. В.** Глобальная миграция населения: проблемы учета и анализа / С. В. Мартыненко; ИСПИ РАН. — Москва : Экон-Информ, 2012. — 199 с. EDN: QOPOYB
8. **Рыбаковский, О. Л.** Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России в начале XXI века / О. Л. Рыбаковский, О. А. Таюнова // Народонаселение. — 2019. — № 3 — С. 4–14. EDN: TKGVHP
9. **Чудиновских, О. С.** Статистика приобретения гражданства как отражение особенностей миграционной политики России / О. С. Чудиновских // Вопросы статистики. — 2018. — Т. 25. — № 9. — С. 3–26. EDN: YCKIWT

Сведения об авторе:

Рыбаковский Олег Леонидович, д.э. н., зав. лабораторией, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 1246185@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8937-3166; РИНЦ AuthorID: 424430.

DOI: 10.19181/population.2023.26.1.1

THE AGE STRUCTURE OF THE POPULATION OF THE REGIONS OF RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY: COMPONENTS OF THE FORMATION

Oleg L. Rybakovsky

*Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
(24/35 kor. 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218)*

E-mail: 1246185@mail.ru

For citation:

Rybakovsky O.L. The age structure of the population of the regions of Russia at the beginning of the 21st century: components of the formation. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 1. P. 4-15. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.1 (in Russ.)

Abstract. *In order to improve the management system of demographic processes, the article proposes and tests a non-standard methodology for studying the results of the demographic dynamics of the population of territories in the age context. The structure of their formation due to the main demographic components is disclosed. The main specific task is to assess as of mid-2021 for all regions of Russia — cumulative results of the demographic movement of the population accumulated*

over 28 years, which had an age of zero years in mid-1993. The proposed and tested methodology in the article allows us to clearly show the results of demographic dynamics and its components in a simple visual form. According to the current official Russian statistics, the demographic situation in the regions of Russia as of mid-2021, concerning the population aged 28 years, can be represented as follows (we will give two typical examples). Moscow: out of 100 persons aged 0 years, in mid-1993, 94 survived in 28 years (with zero migration). Migration increase added 107 people to them, including 87 at the expense of other Russian regions and 20 at the expense of foreign countries. Total: 201 persons out of 100 in 1993; Kurgan oblast: out of 100 persons aged 0 years in mid-1993, 93 survived in 28 years (with zero migration). 15 people left by migration, including 25 people to other Russian regions. But at the expense of foreign countries, 10 people were added. Total: 78 persons out of 100.

Keywords: age structure of the population of the regions of Russia, demographic balance, birth rate and mortality rate of population, permanent population, interregional and foreign migration, probability of survival.

References and Internet sources

1. Sudoplatova V.S. Komponenty i potentsial demograficheskoy dinamiki sovremennoj Rossii i jejo regionov [Components and potential of demographic dynamics of modern Russia and its regions]. Diss. for Candidate of Economics. Moscow. 2015. 150 p. (in Russ.)
2. Demograficheskiy pon'atiynny slovar' [Demographic Conceptual Dictionary]. Ed. L.L. Rybakovsky. Moscow. CSP [Center for Social Forecasting]. 2003. 352 p. (in Russ.)
3. Rybakovsky O.L. Itogi mezhregional'nogo obmena naseleniyem v Rossii za 1993–2019 gg. [Results of interregional population exchange in Russia for 1993–2019]. Nauchnoye obozreniye. Seriya 1. Ekonomika i pravo. [Scientific Review. Series 1. Economics and Law]. 2020. No. 1. P. 73–82. (in Russ.)
4. Rybakovsky O.L., Tayunova O.A. Realizatsiya kontseptsii demograficheskoy politiki Rossii v oblasti postoyannoy migratsii naseleniya [Demographic policy concept realization in the sphere of constant migration of the population]. Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]. 2016. No. 6. P. 34–41. (in Russ.)
5. Migratsionnyye protsessy v Rossii [Migration Processes in Russia]. Eds. V.V. Lokosov and L.L. Rybakovsky. Moscow. Ekon–Inform. 2014. 383 p. (in Russ.)
6. Rybakovsky O.L., Tayunova O.A. Trudovaya migratsiya kak potentsial rosta naseleniya Rossii [Labor migration as the growth potential of the population of Russia]. Narodonaselenie [Population]. 2018. No. 4. P. 58–67. (in Russ.)
7. Martynenko S.V. Global'naya migratsiya naseleniya: problemy uchyota i analiza [Global Population Migration: Problems of Accounting and Analysis]. ISPI RAN [Institute of Socio–Political Research RAS] Moscow. Ekon–Inform. 2012. 199 p. (in Russ.)
8. Rybakovsky O.L., Tayunova O.A. Migratsionnaya situatsiya na Dal'nem Vostoke Rossii v nachale 21 veka [Migration situation in the Far East of Russia at the beginning of the 21st century]. Narodonaselenie [Population]. 2019. No. 3. P. 4–14. DOI: 10.26653/1561–7785–2019–22–3–01 (in Russ.)
9. Chudinovskikh O.S. Statistika priobreteniya grazhdanstva kak otrazheniye osobennostej migratsionnoy politiki Rossii [Statistics on citizenship acquisition as a reflection of the peculiarities of the Russian migration policy]. Voprosy statistiki. [Statistical Issues]. Vol. 25. No. 9. 2018. P. 3–26. (in Russ.)

Information about the author:

Rybakovsky Oleg Leonidovich, Doctor of Economics, Head of Laboratory, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: 1246185@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8937-3166; Elibrary AuthorID: 424430.

Статья поступила в редакцию 25.11.2022, одобрена в печать 15.02.2023, опубликована 30.03.2023.